

А.И. Кобзев

ИВ РАН

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ Ю.М. ГАРУШЯНЦА

В рамках проекта «Китаеведение – устная история» (Sinology – the oral history) по гранту Тайваньского госуниверситета (National Taiwan University) Ю.М. Гарушянц 5 декабря 2009 г. дал обширное (1,5 а.л.) и весьма красочное интервью В.Ц. Головачёву (Валентину Лю). Оно опубликовано в Интернете, в частности на сайтах ИВ РАН (http://www.ivran.ru/), ф-та политологии ТГУ (http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php) и Abirus (http://www.abirus.ru/). К сожалению, в силу физического состояния Юрия Мисаковича, в последние годы жизни страдавшего тяжёлым заболеванием, в его откровенные и нелестные высказывания вкрался целый ряд анахронизмов, недоговорённостей и неточностей, не исправленных и никак не отмеченных интервьюером, что печальным образом искажает общепризнанное представление об интервьюируемом как ревностном поборнике точности. Полагая, что для научного издания подобного текста требуется значительная корректорская и комментаторская работа, и вместе с тем осознавая его мемориальную и историческую значимость, мы сочли своим долгом составить нижеследующую подборку автобиографических сведений из него, снабдив необходимыми примечаниями.

О Китае я узнал из первого издания учебника «История древнего мира», выпущенного под редакцией академика Мишулина¹. Там был напечатан иероглиф «солнце» (*жи*). Я ходил по всему Баку, по разным профессорам, и пытался спросить у них, что это значит. Но никто не мог мне объяснить, что значит этот иероглиф. Отец мой бы партийным пропагандистом. У него дома всегда были книги о революции. Я очень рано стал читать, в пять с половиной лет. И уже тогда, в юности, прочёл книжку. Не помню, как она называлась, это книжка Чэнь Юня и какого-то ещё автора о Великом походе китайской Красной армии². Я всю эту книгу знал наизусть, хотя ничего в ней не понимал! Не понимал, что (и где) там происходит. Потому что (в книге упоминались) одни незнакомые названия местности, которые на картах не найдёшь. Тогда и карт подходящих не было.

© Кобзев А.И., 2012

Так состоялось моё первое знакомство с Китаем. Это был 1936 или 1937 год. Тогда же, читая газеты, я просто помечал отдельные заметки, связанные с китайско-японской войной. И у меня потом собралась целая кипа газет.

Я стал китаеведом не случайно. Но, скажу честно, сначала я хотел поступить на философский факультет. Но когда я пришёл на философский факультет, заведующий кафедрой попросил меня дать, с ленинской точки зрения, критику народничества. Я был тогда ещё совсем ребёнком и сказал, что это террористы. Тогда он прервал меня и отправил (восвояси). Я и ушёл. Там, около МГУ висела какая-то доска с объявлениями Института востоковедения³. Я почему-то посмотрел на неё и пошел туда. Сразу нашёл, поговорил с директором института, которым был Тарковский, дядя режиссёра Арсения Тарковского. Он сказал: «Нет, Вам нельзя. У армян не получается...» Имел в виду, что с языком не получается⁴. Я как разозлился, изнутри такое поднялось у меня (возмущение), но молчу. Он же говорит: «Вы из Азербайджана. Азербайджанский язык, наверно, знаете. Идите на турецкое отделение!» Я говорю: «Спасибо! Тогда разрешите, я дам папе телеграмму, что меня не приняли на китайский язык, потому что я армянин!» Он сказал: «Не делайте этой глупости!» Потом поднял кулак – мощный у него кулак был: «Ну, я Вас задавлю, если Вы будете плохо учиться!» Вот, так и началась моя учёба.

Первым моим учителем был известный профессор (и революционный деятель) Войтинский Григорий Наумович (1893–1953, настоящая фамилия Зархин). Первая его лекция была посвящена Ли Дачжао⁵. Он меня страшно увлёк, и на этой почве мы сблизились очень рано. Уже на первом курсе я ходил у него в любимых учениках, потому что другие к этому большого интереса не проявляли. Тихо-тихо он заставил меня перевести с китайского на русский язык две статьи Ли Дачжао – опубликованную в 1918 году статью «Победа масс» и «Победа большевизма»⁶. И сказал: «Ценной эта работа будет в том случае, если будут указаны источники – откуда он (автор) брал (материал)». Мне всё удалось, кроме того, что я не мог установить источник. А Ли Дачжао списывал это у японского марксиста Каваками Хадзимэ⁷. Это было моё первое знакомство с изучением Китая – 1948 год.

Я вспоминаю, как приехали к нам в Москву Го Можо⁸ и Сун Цинлин⁹ из Варшавы, где проходил съезд сторонников мира¹⁰. И они стоят на лестнице, почему-то пожимают мне руку. А Войтинский ниже стоял. Когда я уже спустился к нему, он сказал: «Да, вот, теперь Гарушянцы пойдут и другие!». С обидой он сказал! Я потом, перед его смертью спрашиваю: «В чем дело? В чем Ваша обида?» Он сказал, что понимал, что уже забыт, что никому больше не нужен. Вот, так. Он умер в 1953 году, 11 июня. Я тогда, действительно, кончал институт – сегодня сдал госэкзамены, а назавтра мы его хоронили в стенах института¹¹. Он похоронен в Лефортово, на немецком кладбище в Москве.

Был такой преподаватель Мудров Борис Григорьевич, составитель известного Большого китайско-русского словаря¹². Больше всего он оказал на меня влияние в смысле китайского языка. Хотя я начал так, что с китайским

у меня не получалось. Вместо того чтобы заниматься китайским языком, я занимался поначалу историей России, которая меня увлекла. А грамматика – это было неинтересно.

Но когда у меня не получалось на первом курсе, я даже двойку получил в первом семестре! А все говорили: вообще, армяне не способны осваивать китайский язык. Но когда закончился первый курс, я первый сдал экзамен по китайскому языку на «пять», и всё после этого хорошо пошло.

Потом, на втором курсе, выходит как-то наш завотделом кадров, татарин это был, и выкрикивает мою фамилию, ещё фамилию Штыканова и других студентов. Кричит: «Выходите!» А он злой был, и я подумал, что что-то мы сотворили. Однако он завёл нас в кабинет, посадил. Хотя обычно он никогда не усаживал нас, и сообщил: «Вы направляетесь в качестве переводчиков на работу с первой делегацией Союза китайской молодёжи!» Это было начало 1950-х годов, где-то 1949–1950 год. И я стал с ними (китайцами) работать. Меня в первый же день приставили к группе китайских военных. Вызвали полковника в возрасте двадцати лет! И ещё девушка была полковник – в возрасте девятнадцати лет! Советский представитель говорит: «Вы пойдёте в музей Николая Островского, будете там переводить. Жена его встретит вас там, в доме-музее». Нас встретила вдова Островского, очень мило стала рассказывать. Потом говорит: «Сейчас будем слушать пластинку!» Как сказать слово «пластинка» я не знал, поэтому пришлось это как-то на пальцах показать. В общем, как-то (экскурсию) провели. Но я очень сблизился с этой группой китайских военных! Даже после того, как они уехали в Китай, мы всё время дружили и переписывались, вплоть до начала Корейской войны (1950–1953 гг.). Уже в годы «культурной революции» я встретил имя одного из них в списке охраны члена Политбюро КПК Чэнь Силян¹³. Имя другого встретил в списке охранников крупного генерала, который был военным советником во Вьетнаме, имя его уже не помню. Я написал им письма, и один из них ответил мне. А второй не ответил. Видимо, пост его не позволял этого.

Я помню одну гениальную фразу. Причём это было сказано мне единолично. Войтинский сказал: «Не радуйтесь! Отношения могут складываться по-разному. Отношения могут быть хорошими, а могут и плохими». Он уже был настроен, и я чувствовал это, против Мао. И даже когда я писал диплом впоследствии, он меня толкал на эти вещи. Да, он был очень осторожный человек. Никакой эйфории!

Мой диплом назывался «Борьба китайских коммунистов за единый фронт в 1935–1937 годах. От совещания в Цзуньи¹⁴ до начала антияпонской войны». В основном по советским материалам. Почти ничего тогда не было! Вышел только в переводе на русский язык четырёхтомник избранных сочинений Мао Цзэдуна¹⁵. Он сохранился у меня, вот он, с дарственной надписью китайского переводчика, по фамилии Чэнь¹⁶. Здесь опубликована первая версия китайской «Резолюции по некоторым вопросам истории партии»¹⁷. Я по ней и работал.

Дело в том, что мой отец сидел, был репрессирован в 1930-х годах. В 1940-м году он вернулся (из заключения). В институт меня приняли, но

где-то имели в виду, что я «сын врага народа». И при распределении все сидят, ждут. Их вызывают по именам, всех вызвали, а меня нет. Так я и ушёл. Потом Войтинский сказал: «Я рекомендовал Вас в аспирантуру». Так всё и устроилось.

Войтинский посоветовал: «Давайте начнём с темы образования Коммунистической партии Китая». Вот, с этой темы я и начал работать – «движение 4 мая» и образование компартии Китая. Потом я написал что-то про «4 мая»¹⁸. А про образование КПК материалов не было. В 1950-х годах на эту тему почти ничего не публиковалось. Только в 1961 году я опубликовал на эту тему статью «Образование коммунистической партии: к сорокалетию компартии Китая»¹⁹.

В то время я был очень привязан к этим темам, потому что в те годы (в моём распоряжении) появился журнал «Синь циннянь» («Новая молодёжь») ²⁰. Он и сейчас у меня есть. Тогда ведь других материалов не было. В лучшем случае, какая-нибудь старая книжка на английском языке. А Войтинский меня уже даже не учил, а наставлял. Он говорил, если вышла какая-то книжка, скажем, по «движению 4 мая», ты должен понять, почему автор написал эту книжку. Если ты этого не поймёшь, ты не поймёшь логику науки. В этом источниковедческом смысле он мне очень помог.

После аспирантуры снова встал вопрос работы. Сперва я пошёл в Институт философии²¹. Нигде работы не было. Ну, я там покрутился. Там работали Сенин²², Ян Хиншун²³. Жулики настоящие. Особенно Сенин. Помню, был здесь с визитом (историк) Ху Шэн²⁴, так он говорит: «*Ян Хиншун – жэнь хай кэи, кэши наоцзы бу тай цинчу*» («[Ян Хиншун –] человек неплохой, но мозги не очень ясные»). Эту фразу я запомнил на всю жизнь. В общем, мне там было скучно, тоскливо. И как раз в это время открылся Институт китаеведения²⁵, куда я и пошёл.

Я уже написал статью. Ян Хиншун посмотрел и говорит: «Здесь конца не хватает!» Приписал одну фразу, а гонорар пошёл первым получать! Но это обычное дело! А тема статьи была интересная – история просветительской мысли в Китае. В то время вышла книга профессора Хоу Вайлу²⁶. И я критиковал эту книжку за то, что она схематично повторяет русскую схему развития просветительской мысли. Критика тогда запрещена была. Но статья прошла в журнале «Вестник истории мировой культуры», главным редактором которого был Загорькин²⁷. (*Гарушняц Ю.М., Ян Хин-шун. Исследование по истории общественной мысли Китая // Вестник истории мировой культуры. М., 1957, № 4, с. 179–185*). А в Китае взяли и опубликовали её в закрытых материалах. Потом Хоу Вайлу сам приехал сюда (в Москву), мы встретились и поговорили²⁸. И он говорит: «Я понял, что Вы неплохой человек. Я не буду обращать внимание на это». Мы даже с внуками Хоу Вайлу до сих пор поддерживаем отношения.

[Известные учёные, с которыми лично общался:] Ху Хоусюань²⁹, Хэй Линь³⁰ – переводчик Гегеля на китайский язык. Потом, Фэнь Дин – завкафедрой диалектического материализма в Пекинском университете. Его потом в годы «культурной революции» уничтожили.

До 1959 года я работал там, в Институте китаеведения, который потом переименовали в Институт народов Азии и Африки³¹. Тогда приехал Чжоу

Энлай и говорит: у нас нет такого института по изучению Советского Союза, а зачем вам Институт китаеведения? И нас всех разогнали³². После этого я ещё два года поработал. Мне тогда дали защитить диссертацию. Точнее, я не диссертацию защищал, а дали мне *honoris causa*³³, присвоили степень за «движение 4 мая». Это был 1969 год.

Однажды, когда я был аспирантом, Войгинский заболел, и меня назначили вместо него принимать экзамены у студентов. С этого у меня и началась какая-то (публичная) «карьер», известность какая-то. Позднее я преподавал историю Востока в Ленинском педагогическом институте и в педагогическом институте Потёмкина. В основном давал, конечно, историю Китая. Это было в 1963–1965 годах³⁴.

Да, работал в Институте МРД. Потом меня стал припирать своим «революционализмом» директор Института международного рабочего движения. Я плюнул и ушёл³⁵. А куда уходить? Тогда мой друг, Евгений Максимович Примаков, предложил перейти в ИМЭМО³⁶. И я ушёл туда в 1973 году заведующим сектором международного коммунистического движения. Проработал в ИМЭМО несколько лет и оттуда стал рваться обратно в Институт народов Азии и Африки. Б.Г. Гафуров³⁷, тогдашний директор, был упрямый человек. В своё время он меня не отпускал, долго не отпускал. Потом подписал бумагу, но предупредил: ты больше никогда не приходи. Но тогда я обратился к вице-президенту АН СССР, поскольку я был главным редактором журнала «Рабочий класс и современный мир»³⁸. И я его стал просить, говорил, что это не моя специальность. И ушёл. Ушёл обратно в китаеведение. Это был 1978 год, после которого я постоянно работал в Институте востоковедения (ИВ АН СССР)³⁹.

Мне вручили советский орден «Знак Почёта». Вручили 20 июля 1971 года. Не знаю, наверно, дали за работу в журнале «Рабочий класс и современный мир». В годы Отечественной войны гражданское население привлекали на работы. Копали там оборонительные сооружения. Но для участия в работе нужно было, чтобы исполнилось пятнадцать лет. Я обманул и сказал, что мне пятнадцать лет. Так и получилось, что мне дали медаль «За оборону Кавказа», за то, что я якобы принимал участие, работал на оборону. И вторую тогда же медаль получил «За победу над Германией». Но эта медаль была тоже дана в общем порядке.

Меня за границу не пускали из-за отца. И потом, у меня с Тихвинским был один крупный скандал. В общем, много лет меня не выпускали. То Тихвинский не пускал⁴⁰, то парторганизация. Только вдруг директором Института (ИВ АН СССР) стал М.С. Капица⁴¹. А с Капицей у меня были драки сильные, даже руками мы с ним дрались! Честное слово! Капица спрашивает меня: «Ты что сидишь тут столько лет, в Китай поехать не можешь?» Я ему отвечаю: «Ну, я же жопу не могу лизать!» Капица: «А ты попробуй!» Я ему: «Ну не хватало мне ещё Вашу жопу лизать!» Он тогда говорит: «Ты едешь в Китай!» Я говорю: «Да нет!» Не поверил ему. Потом меня вызвали в Комитет высшей школы (по делам высшего образования)⁴² и предложили заполнить анкету. Я заполнил анкету и поехал в Китай.

В 1990 году, под самый конец существования СССР, я был одним из последних (китаеведов), командированных в Китай из СССР⁴³. Это была

научная командировка в Китай, стажировка на год при историческом факультете Пекинского университета. Окружали меня хорошие люди. И вообще, я сам по натуре человек общительный. Хорошие знакомые у меня появились. И был в курсе всех сплетен в Пекинском университете!

Первое впечатление, когда я в Китай приехал: когда поезд Москва-Пекин приехал и остановился, я увидел толпу китайцев и сказал своему спутнику (парень из МГУ, он уже скончался): «Неужели они хотели из Москвы руководить этой толпой?» Мой спутник: «А что, нельзя руководить?» Я ему говорю: «Пошел ты на хер, ты ничего не понял!»... Вот, так прошёл мой первый год в Китае. Я просто ходил по книжным магазинам. Целый день! Утром уйду, вечером прихожу. Книги, книги, книги. Но всё это ..., такое «говно» я привёз тогда! Враньё сплошное, ни одному слову нельзя верить! Потом я всё выкинул и заменил их тайваньскими книжками.

Да, я был ещё один раз в Китае, по приглашению своего друга Сюй Ку, директора Института изучения Восточной Европы при Китайской Академии общественных наук⁴⁴. Мы познакомились в Москве, ещё в начале 1950-х годов. Я написал ему письмо, и он меня пригласил на два месяца. Потому что по другим каналам было трудно «пролезть» в Китай. И это была моя последняя поездка в Китай.

На Тайване я был пять раз! И Тайвань оказал на меня как на китаеведа самое положительное влияние – я стал по-настоящему понимать Китай! Моя первая поездка на Тайвань состоялась так. Как раз тогда, когда я поехал на два месяца в Пекин, туда же приехал директор тайваньского института. Я прихожу туда, а там какая-то девушка сидит, китаянка. Здоровается со мной. Симпатичная. Сначала я не понял, кто это такая? Потом оказалось, что это Юй Миньлин. Я спросил: «Откуда Вы меня знаете?». Отвечает: «А я Вас видела!» Она мне так понравилась! И она говорит мне: «В этом году Вы обязательно приедете на Тайвань!» Это был 1995 год. И в том году я, действительно, впервые попал на Тайвань.

Ездил туда каждый год. Общался, во-первых, с директором института Чэнь Юнфа. Это замечательнейший историк, талантливейший человек. Я также общался с председателем Комиссии по истории партии Гоминьдан. Они меня пригласили отдельно. Это тоже была для меня очень большая школа. Большие люди! Все они были членами ЦК (Гоминьдана). И знаете, я с ними говорил так. Мы спорили – «говно» ли Чан Кайши, или нет. В Китае спорить о том, «говно» ли Мао, или нет, [немыслимо]. А тут, пожалуйста, спорь! Я, например, начинаю критиковать Сунь Ятсена за одни вещи. Они говорят, его можно критиковать запросто! Только найдите удачную форму. Чтобы было не (голословно). Потом, чему я там научился. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в Институт Дальнего Востока поступило много тайваньской литературы. Я смотрел все эти книжки и удивлялся! Удивлялся чему? Оказывается в китайских книжках была только правда победителей. Правды побеждённых нет. То есть, как будто идёт суд, на котором присутствует только одна сторона. А другая сторона отсутствует. Я пришел в ужас! Тогда я стал пересматривать китайские книжки и понял, какой ерунды я набрал. И тогда я выбросил все китайские книжки. Сравнил и понял, что у тайваньцев – это солидная научная историческая школа, традиция.

В отличие от Китая, понравились сами тайваньцы. В Китае никогда ничего ни о чём не узнаешь. Только так, иногда и кое-что. Закрытые люди, бояться всего! А там – открытая душа! Когда я поехал туда первый раз, меня больше всего потрясла одна встреча. Один простой тайванец спрашивает меня: «Ты откуда?» Я говорю: «Из России». Он: «Из России? Ой, не переживайте! У вас жизнь будет хорошая, и у нас тоже когда-то было плохо. Не переживайте, всё будет у вас хорошо!» Меня это очень поразило, честно! Я был тронут даже.

Примечания

¹ Мишулин А.В. (1901–1948) – историк-антиковед, профессор МГУ им. Ломоносова (с 1934), д.и.н. (1943), редактор первого советского школьного учебника по античной истории для 5–6 классов «История древнего мира», увидевшего свет в 1940 г. и ежегодно переиздававшегося в 1949–1953 гг. Он не был академиком, и знакомство с его учебником не могло произойти ранее 1940 г.

² Чэнь Юнь (1905–1995) – выдающийся партийный и государственный деятель, участник Великого похода Красной армии Китая на Северо-Запад (1934–1936), в 1935 прибывший на учёбу в СССР, где в 1936 г. опубликовал о нём свои заметки.

³ Имеется в виду Московский институт востоковедения (МИВ), возникший в результате преобразования Лазаревского института восточных языков и действовавший в 1920–1954 гг.

⁴ Тарковский Арсений Александрович (1907–1989) – известный поэт и переводчик с восточных языков, а кинорежиссёр – его знаменитый сын Андрей Арсеньевич (1932–1986), в 1951–1952 гг. учившийся на арабском отделении ближневосточного факультета МИВа, когда в этом институте учился и Ю.М. Гарушянц, окончивший его в 1953 г. Дядя Андрея и старший брат Арсения Валерий погиб в 1919 г. Загадочное антиармянское суждение, произнесённое в бывшем Армянском училище/институте, основанном в 1815 г. семьёй Лазарян, принадлежало выходцу из Министерства внешней торговли, возглавлявшему МИВ в 1948–1952 гг., Д.И. Тарковскому (*Шаститко П.М.* Век ушёл. Сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009, с. 47). Он явно не был дядей выдающегося кинорежиссёра, но, возможно, приходился ему не только однофамильцем, что объясняет одну из тайн его биографии: «Неизвестно, почему Андрей поступил именно на арабское отделение Института востоковедения... В беседе в Берлине в 1973 году он так рассказывал историку кино Герману Херлингхаузу: “Полтора года там проучился и ушёл – в ужасе от той профессии. Я понял, что не буду заниматься этим никогда в жизни. Дело в том, что занятие арабским языком было настолько мучительным, лишённым какого бы то ни было чувства для меня”» (*Болдырев Н.Ф.* Жертвоприношение Андрея Тарковского. М., 2004, с. 108: http://nik-boldyrev.ucoz.ru/_ld/0/51_Ghertvoprinoshe.pdf). Искажённая в воспоминании Ю.М. Гарушянца и, насколько нам известно, нигде не прояснённая связь Андрея Тарковского с директором МИВа Д.И. Тарковским неожиданным образом проливает свет на его поступление в идеологический вуз, хотя до этого в школе (в 15 лет) он не был принят в комсомол и интересовался совсем другими предметами: театром, поэзией, музыкой, живописью. Видимо, не вполне случайно в бывшем Армянском институте оказался и армянин Ю.М. Гарушянц. О способностях же армян к китайскому языку можно судить, например, по работе Л.Х. Тер-Мкртчян «Армяне в Китае (С древнейших времён по новое время)» (XI НК ОГК. Ч. 2. М., 1980, с. 132–

140). В ней, в частности, упомянут один из первых переводчиков, опубликовавших Библию на китайском языке, – Ованнес Газарян (Ованес Казарян, Джон/Джоаннес Лассар/Лоссар, 1778/1779 – ок. 1822), в 1815–1822 гг. в Серампуре (Бенгалия) опередивший пионерское издание Р. Моррисона (1782–1834) «Шэнь-тянь шэн-шу» 神天聖書 («Святая книга Божественного Неба». Малакка, 1823).

⁵ Ли Дачжао (1889–1927) – учёный и общественный деятель, один из первых китайских марксистов.

⁶ Эти статьи под названиями «Победа народа» и «Победа большевизма» в переводе Ю.М. Гарушянца опубликованы в составленных им «Избранных статьях и речах» Ли Да-чжао (М., 1965) и переизданы в составленных Н.Г. Сениным «Избранных произведениях» Ли Дачжао (М., 1989, с. 154–161).

⁷ Каваками Хадзимэ (1879–1946) – японский революционер, философ и экономист, изучавший и переводивший труды К. Маркса.

⁸ Го Можо (1892–1978) – учёный, писатель, общественный и государственный деятель, президент Китайской академии наук.

⁹ Сун Цинлин (1893–1981) – общественный и государственный деятель, супруга Сунь Ятсена.

¹⁰ Всемирный конгресс Движения сторонников мира в Варшаве проходил в ноябре 1950 г. Тогда был создан Всемирный совет мира, членом и вице-президентом Бюро которого стали Сун Цинлин и Го Можо.

¹¹ Это воспоминание подтверждает дату смерти Г.Н. Войтинского, данную соучеником Ю.М. Гарушянца, также окончившим МИВ в 1951 г. и соответственно очевидцем события, В.И. Глуниным в последнем (3-м, 1969–1978) издании Большой Советской энциклопедии (<http://bse.sci-lib.com/article006186.html>), что позволяет считать неверной дату – 11.04.1951, трижды воспроизведённую в специализированном справочнике С.Д. Милибанд (Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 117; Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1. М., 1995, с. 245; Востоковеды России: XX – начало XXI в. Кн. 1. М., 2008, с. 259). Указанные авторы по-разному датируют и его рождение: 05(17).04.1893 В.И. Глунин и 09(21).02.1893 С.Д. Милибанд.

¹² К.ф.н. (1951) Б.Г. Мудров (род. 1923) преподавал в МИВ в 1951–1954 гг., был одним из полутора десятка ведущих составителей 4-томного «Большого китайско-русского словаря» (1983–1984) под редакцией И.М. Ошанина (1900–1982) и редактором-составителем гораздо более скромного «Китайско-русского словаря» 1980 г., который затем вырос в «Большой китайско-русский словарь», с 1999 г. выдержавший несколько изданий.

¹³ Генерал Чэнь Силян 陈锡联 (1915–1999) состоял членом Политбюро ЦК КПК с 1969 до 1980 г., когда был выведен из Политбюро и снят с должности командующего Пекинским военным округом.

¹⁴ Расширенное совещание Политбюро ЦК КПК в г. Цзуньи (пров. Гуйчжоу) 7–8 января 1935 г. явилось результатом конфликта среди руководителей Великого похода. В итоге победил Мао Цзэдун, а Чэнь Юнь был направлен для доклада о сложившейся обстановке в Москву, где оказался летом 1935 г., в последний день работы VII конгресса Коминтерна.

¹⁵ *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953.

¹⁶ Видимо, имеется в виду доцент И.И. Советов-Чень, вместе с более чем десятком других китайцев переводивший указанный 4-томник Мао Цзэдуна, а затем

участвовавший в создании 4-томного Большого китайско-русского словаря (1983–1984).

¹⁷ «Резолюция/Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» – принятый на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г. документ с обобщающей оценкой исторической роли и идей Мао Цзэдуна.

¹⁸ *Гарушняц Ю.М.* Идеиная борьба среди китайской интеллигенции в конце 1918 – начале 1919 г. // Советское китаеведение. 1958. № 1, с. 49–61. – Пер. на кит. яз. // Шисюэ юэкань (Исторический ежемесячник). 1960. № 4. С. 26–32; *он же.* Движение «4 мая» 1919 года в Китае. М., 1959. 48 с.; *он же.* О движущих силах антиимпериалистической борьбы 1919 г. в Китае (к 40-летию движения «4 мая») // Проблемы востоковедения. М., 1959. № 3, с. 16–30.

¹⁹ *Гарушняц Ю.М.* Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая (к 40-летию I съезда КПК) // Народы Азии и Африки. М., 1961. № 3, с. 81–96.

²⁰ Ежемесячник (с июня 1923 г. – ежеквартальник) «Синь циннянь» («Новая молодёжь») издавался в Шанхае–Гуанчжоу с сентября 1915 по декабрь 1924 г. Одноимённый журнал нерегулярно выходил в Гуанчжоу с апреля 1925 по июль 1926 г.

²¹ Имеется в виду устройство на работу в 1957 г. научным сотрудником в Институт философии АН СССР.

²² Д.филос.н. (1964) Сенин Н.Г. (1918–2001) – историк китайской общественно-политической и философской мысли XIX–XX вв., научный сотрудник ИФ АН СССР / ИФ РАН с 1951 г.

²³ Д.филос.н. (1968) Ян Хиншун (1904–1980) – историк древнекитайской философии, научный сотрудник ИФ АН СССР / ИФ РАН с 1948 г.

²⁴ Ху Шэн (1918–2000) – историк, философ-марксист, государственный деятель, президент Академии общественных наук Китая (1985–1998).

²⁵ Институт китаеведения АН СССР был образован несколько раньше – в 1956 г.

²⁶ Хоу Вайлу (1903–1987) – известный историк китайской философии и общественный деятель, опубликовавший в Пекине в 1956 г. монографию «Чжунго цзаоци цимэн сысян ши (шици шици чжи шицзю шици сыши няндай)» («История ранней просветительской мысли в Китае: XVII век – 40-е годы XIX века»), которая в 1963 г. стала заключительным 5-м томом созданной под его руководством «Общей истории китайской мысли» («Чжунго сысян тун-ши», 1947–1963).

²⁷ Имеется в виду д.э.н. (1939) Зворыкин А.А. (1901–1988) – историк техники и экономист, который в 1949–1959 гг. был первым заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии (2-е изд.), а в 1957–1961 главным редактором журнала «Вестник истории мировой культуры».

²⁸ Видимо, это произошло во время приезда Хоу Вайлу в Москву в ноябре–декабре 1958 г., когда он прочёл десять лекций, в том числе по истории китайской философии.

²⁹ Ху Хоусюань 胡厚宣 (1911–1995) – известный историк, специалист по древнейшей эпиграфике (надписям на гадательных костях – *цзя-гу-вэнь*).

³⁰ Имеется в виду крупный философ Хэ Линь (1902–1992).

³¹ Ю.М. Гарушняц работал в Институте китаеведения до его закрытия в 1960 г., а в поглотившем его Институте народов Азии (с 1970 – Институт востоковедения) АН СССР – до 1962.

³² Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай (1898–1976) приезжал в Москву на XXII съезд КПСС в октябре 1961 г., когда Институт китаеведения уже был закрыт, и акад. С.Л. Тихвинский в аналогичном интервью сообщил, что инициатором этой нелепой акции стал «летом 1960 года какой-то китайский руководитель среднего ранга в беседе с советником-посланником Н.Г. Судариковым».

³³ Ю.М. Гарушянц в 1969 получил степень кандидата исторических наук не *honoris causa*, а по докладу, основанному на предыдущих работах.

³⁴ В аспирантуре Ю.М. Гарушянц не мог подменять уже почившего Г.Н. Войтинского, видимо, этот эпизод произошёл раньше, в его студенческие годы. Московский городской педагогический институт имени В.П. Потёмкина прекратил своё существование в 1960 г., а Ю.М. Гарушянц преподавал в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской в 1962–1966 гг.

³⁵ Ю.М. Гарушянц работал в ИМРД АН СССР в 1969–1973 гг., когда там директором был чл.-корр. АН СССР Т.Т. Тимофеев, руководивший Институтом с его основания в 1966 до 2003 г. и в 1971 опубликовавший совместно с Ю.М. Гарушянцем статью о «ленинской концепции мирового революционного движения».

³⁶ Акад. (1979) Е.М. Примаков учился вместе с Ю.М. Гарушянцем в МИВе, а в 1970–1978 гг. был зам. директора ИМЭМО АН СССР.

³⁷ Акад. (1968) Б.Г. Гафуров (1908–1977) был директором ИВ АН СССР в 1956–1977 гг.

³⁸ Ю.М. Гарушянц в 1971–1973 гг. был заместителем главного редактора журнала «Рабочий класс и современный мир».

³⁹ В это время директором ИВ АН СССР уже был не Б.Г. Гафуров, а Е.М. Примаков.

⁴⁰ С.Л. Тихвинский был директором Института китаеведения в 1960 г. и зам. директора Института народов Азии в 1961–1963 гг.

⁴¹ Чл.-корр. АН СССР (1987) М.С. Капица (1921–1995) был директором ИВ АН СССР в 1987–1994 гг.

⁴² Имеется в виду Госкомитет СССР по народному образованию (1988–1991).

⁴³ Последний выезд из СССР по обмену с Министерством образования КНР был в 1990–1991 учебном году, а Ю.М. Гарушянц выехал в предыдущем.

⁴⁴ Имеется в виду проф. Сюй Куй, руководивший Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии (ранее: Институт Советского Союза и стран Восточной Европы) Академии общественных наук Китая в 1980–1990-е гг.